

Техника Очарования лишь усиливает сокровенные желания, живущие в глубине человеческой души. А раз это сокровенное, значит, оно было надежно спрятано, и лишь когда разум слабеет, оно вырывается наружу. Выходит, это сам Му Цинцин затаил недоброе в отношении Му Ляньчэнь. Му Цинцин почувствовал, что ему нужно как следует остыть — как же всё дошло до такой жизни?

— Ох, ну и наивный же ты малый, — глядя на медленно закрывающуюся дверь, усмехнулся Му Ляньчэнь.

Только что он сказал чистую правду: Техника Очарования действительно лишь усиливает внутренние помыслы. Однако Му Цинцин отнюдь не был слабохарактерным, к тому же обладал немалой силой, будучи демоном, который совсем недавно принял человеческий облик. Если бы магия действительно подействовала на него, Му Ляньчэнь, пожалуй, даже обрадовался бы — это как минимум доказывало бы, что у Му Цинцина есть на него виды.

Но он прекрасно понимал, что до этого еще далеко. Подобные методы на Му Цинцина вряд ли подействуют, а то и вовсе дадут обратный эффект. Впрочем, верить в то, что малец испытывает к нему лишь сыновние чувства, Му Ляньчэнь тоже не собирался: в конце концов, за эти десять с лишним лет совместной жизни у него самого в мыслях не было играть роль примерного старшего.

Теперь, когда его здоровье восстановилось, им пора было возвращаться на Гору Девяти Хвостов. Му Ляньчэнь не хотел лишних осложнений, поэтому решил подтолкнуть Му Цинцина, применив Погружение в Реальность — то самое, что долгие годы было его личным сном. И когда Му Цинцин, пережив призрачную страсть из этого сна, всё еще пребывал в оцепенении, он наложил на него Технику Очарования. Му Ляньчэнь едва заметно улыбнулся, впервые в жизни ощутив нотки торжества.

В конце концов, даже если лис-демон Му Ляньчэнь снаружи выглядит как утонченный и благородный господин, это лишь видимость. Никаких моральных принципов у демонов не существует, а старый лис по определению коварен и хитер.

Му Цинцин нарубил целую гору дров, но привычные способы сейчас не помогали — и надо же было всему дойти до такой точки.

— Папочка, обними! — раздался звонкий, радостный голосок. Маленький Сяо Байшаньчжу, сидя на руках у Чжу Мо, запрыгал, и, несмотря на приличное расстояние, малыш нетерпеливо потянулся к нему.

Му Цинцин даже головы не поднял, бросил топор и сел прямо на землю.

Чжу Мо опустил ребенка, и тот, перебирая короткими ножками, бросился к Му Цинцину.

— Папочка, папочка! — пусть малыш знал не так много слов, но переполнявшую его радость невозможно было не заметить. Он ничуть не смутился холодности Му Цинцина и сам уткнулся ему в объятия.

— Прохладный ветер, ясная луна, да еще и красавец рядом — разве это не чудесно? К чему такая свирепая мина? — Чжу Мо расправил полы одежды и присел рядом с Му Цинцином.

— Вижу, ты чем-то сильно уязвлен. Расскажи, а я помогу тебе разобраться, — будучи демоном, прожившим тысячу лет, Чжу Мо был невероятно проницателен.

Старый лис затаил недоброе, действовал решительно, хоть и грубовато. А малец явно до сих пор пребывал в смятении — значит, пришло время вмешаться ему.

Му Цинцин бросил взгляд на Чжу Мо, долго молчал, затем поднял руку, подбросил уютно устроившегося на коленях Сяо Байшаньчжу и только тогда медленно заговорил.

Выслушав историю от начала до конца, Чжу Мо лишь рассмеялся. Он-то думал, что Му Цинцина задело, что Му Ляньчэнь его перехитрил, или что у него на уме что-то другое. Оказалось, он переоценил этого лиса — тот был до неприличия прямодушен, совсем не похоже на лиса-демона.

— Твоя история даже вызывает зависть. Если бы такой красавец сам бросился мне в объятия, разве это не подарок судьбы? В конце концов, он ведь такой необыкновенный, — на лице Чжу Мо отразилось легкое восхищение, которое, впрочем, не вызывало раздражения.

Му Цинцин холодно фыркнул, принимая его слова. В глубине души он даже был горд — ведь даже старый лис не устоял перед его обаянием. Жаль только, что старый лис ни за что в этом не признается.

— Так чего же ты тогда не сияешь от счастья? Красавец сам пришел к тебе в руки, разве нет?
— Чжу Мо заметил его гордость и, подыгрывая, произнес это вслух.

Он уже понял, что этот маленький лис прост в своих помыслах, хотя сам считает себя весьма умным. Вероятно, он даже сам не понимает, что больше всего его злит то, что он попался в сети старого лиса.

Му Цинцин уже всё обдумал. Честно говоря, события прошлой ночи его самого поглотили — за сотню лет он не испытывал такого удовольствия. Но почему-то на душе всё равно оставался неприятный осадок. Впрочем, этот демон-бамбук прав: зачем докапываться до сути? Разве не лучше наслаждаться моментом?

— Однако... — Чжу Мо внезапно сменил тон.

— Чего ты болтаешь? — Му Цинцин удостоил его редким взглядом.

— Нельзя же позволять одному человеку всегда торжествовать. Почему бы тебе не уйти, погулять, заставить его понервничать? Это ведь тоже своего рода игра, в отношениях всё должно быть взаимно, не так ли?

Вопрос демона-бамбука попал прямо в цель. Внутреннее раздражение Му Цинцина внезапно рассеялось. Конечно, именно так и нужно! Он должен показать старому лису, что им нельзя помыкать, как вздумается.

Благодаря намекам Чжу Мо, он словно прозрел, поняв замыслы Му Ляньчэня. С какой стати он должен бросаться в объятия, скрывая чувства, и позволять тому и дальше строить из себя старшего наставника?

Му Цинцин, который до этого момента постоянно терпел неудачи в общении с Му Ляньчэнем, всегда отличался решительным характером. Приняв решение, он начал свой путь побега из дома. В сопровождении двух бамбуковых демонов троица с важным видом, нагрузившись узлами, отправилась в дорогу.

— Эй, как думаешь, старый лис умрет от злости, когда обнаружит, что нас нет? — Му Цинцин, который до этого молча шагал вперед, внезапно обернулся и задал этот вопрос Чжу Мо.

— Возможно, — Чжу Мо с многозначительной улыбкой взглянул на Му Цинцина и поддакнул.

Му Цинцин, видя такой банальный ответ, отвернулся и больше не стал его слушать.

Старый лис точно разозлится. Его сердце только-только пришло в норму, а если он из-за чего-то разволнуется — что тогда? Письмо, которое он оставил, стоило написать помягче.

Вероятно, из-за внутренних терзаний остаток пути они прошли в молчании, а маленький Сяо Байшаньчжу сладко спал на руках у Чжу Мо. К счастью, ближайший городок оказался недалеко, и троица остановилась в постоялом дворе, заодно символически перекусив.

— Если ты так беспокоишься, может, вернемся? — Чжу Мо сделал пару глотков и отложил палочки. Таким демонам, как они, не нужна была еда, но маленький лис, казалось, привык к человеческому образу жизни.

— О чем беспокоиться? Я просто боюсь, что старый лис пожалуется моим родителям. Хотя я их и не боюсь, но лишние хлопоты мне ни к чему, — Му Цинцин бросил на Чжу Мо косой взгляд.

Чжу Мо, услышав это, лишь улыбнулся и больше ничего не сказал.

— Папочка, пузырьки! — маленький Сяо Байшаньчжу умел чувствовать настроение. Весь день Му Цинцин был не в духе, и малыш вел себя тихо, лишь изредка пытаясь приблизиться. Теперь же, увидев, что на них смотрят, он тут же протянул руки.

У Му Цинцина не было терпения возиться с ним. Глядя на беззаботное лицо малыша, он подумал, что тот бессердечен — еще недавно называл его мамой, а теперь, стоило им уйти на один день, всё забыл.

Словно прочитав его мысли, Сяо Байшаньчжу внезапно выкрикнул: — Мама, мама! — Голос его звучал необычайно восторженно. Он весь затрепетал.

Му Цинцин вздрогнул от неожиданности, поднял глаза на не менее удивленного Чжу Мо и смущенно отвернулся. Он просто подумал об этом случайно, этот малыш и правда слишком проницателен.

— Какой чуткий малый, наконец-то хоть кто-то проявил совесть, — Му Ляньчэнь, который не ожидал такой прозорливости, с легкой улыбкой принял прыгающего Сяо Байшаньчжу из рук остолбеневшего Му Цинцина, который даже забыл про еду.

— Мама, мама... — Сяо Байшаньчжу был вне себя от радости. Во время принятия человеческого облика энергия жизни Му Цинцина напитаала его, поэтому он был к нему привязан больше всего. Однако в теле Му Ляньчэня пульсировала та же энергия, что и у него самого, поэтому он считал Му Ляньчэня своей мамой. Как только тот появился, малыш сразу его почувствовал. Сяо Байшаньчжу был маленьким демоном, умеющим подстраиваться: по сравнению с папой, мама играла с ним охотнее.

Му Цинцин, который до этого чувствовал себя виноватым, был удивлен, что Му Ляньчэнь нашел их так быстро. Но видя, что тот уже полчаса только и делает, что возится с этим надоедливym бамбуковым демоненком, он почувствовал, как внутри закипает ревность. За эти годы он привык, что всё внимание этого лиса всегда принадлежало только ему.

— Чего уставился? — не в силах заговорить с Му Ляньчэнем, он бросил яростный взгляд на любопытные взгляды посетителей за соседними столами.

— Письмо, которое я оставил, видел? — Му Цинцин был мрачнее тучи.

— Ты про то письмо? Видел, — Му Ляньчэнь сохранял полное спокойствие, ни капли не выказывая недовольства тем, что его бросили. Он с интересом продолжал дразнить Сяо Байшаньчжу на руках.

— Если видел, зачем погнался за нами?

— Ты молод и вспыльчив, совершаешь глупости и хочешь просто сбежать. А я уже не юноша. К тому же, я обещал главе клана присматривать за тобой, поэтому должен держать слово, — Му Ляньчэнь легко рассмеялся, его вид был открытым и искренним, а забота — неподдельной.

— Ты... — услышав это, Му Цинцин почувствовал, как у него загорелись уши. Он взглянул на чистое и благородное лицо Му Ляньчэня, на эти глаза, которые, казалось, видели его насквозь, и невольно отвел взгляд.

Обернувшись, он встретился с Чжу Мо, который невозмутимо потягивал чай, но едва заметная усмешка на его губах ясно говорила о том, что он откровенно потешается над ним.

— Если закончил, иди в комнату отдохни, — Му Ляньчэнь, заметив смущение Му Цинцина, передал ребенка на руки Чжу Мо.

— Тогда я пойду, — Чжу Мо понимающе пожал плечами и, забрав малыша, удалился.

— Пойдем. К чему все эти письма? Я разрешаю тебе сказать всё в лицо, — Му Ляньчэнь кивнул Му Цинцину.

Тот проводил его взглядом, колебался, но все же поднялся следом.

— Закрой дверь, — Му Ляньчэнь внутренне усмехнулся, глядя, как Му Цинцин входит следом, пытаясь сохранить суровый вид, хотя глаза его бегали.

— Я же сказал, я уже взрослый, хочу погулять один. Зачем ты таскаешься за мной? — Му Цинцин поджал губы, словно специально противореча ему, и встал поодаль.

— Иди сюда, садись. Или ты думаешь, что раз ты еще мал, то можешь делать что хочешь? — Му Ляньчэнь всегда мог одним словом задеть Му Цинцина за живое.

Услышав это, Му Цинцин был вынужден сесть.

— Почему сбежал? — прямо спросил Му Ляньчэнь, глядя на его нежелание разговаривать.

— Никуда я не сбегал! Я же ясно написал в письме: хочу как следует погулять. Что толку вечно жить под защитой старших? — Му Цинцин счел свой аргумент вполне весомым.

— Старших? Ты уверен? — Му Ляньчэня было не так просто обмануть. Если позволить этому маленькому негоднику гулять без присмотра, глядишь, он и правда решит, что он тут самый

старший.

— Конечно! — кивнул Му Цинцин.

— Раньше ты не занимался самообманом, — тон Му Ляньчэня оставался мягким, но от его улыбающихся глаз у Му Цинцина по спине пробежал холодок.

Особенно когда Му Ляньчэнь поднялся и шаг за шагом начал приближаться к нему. Му Цинцин тут же захотел закончить разговор и уйти.

Он сам не замечал, что в присутствии Му Ляньчэня не был так уверен в своей правоте, как ему казалось. Возможно, в глубине души он понимал, что поступил не совсем честно, а в письме, которое оставил, чтобы специально позлить Му Ляньчэня, написал кучу всякого вздора — мол, считает его дядей и уважает так же, как отца.

— Чего ты бегаешь? — Му Ляньчэня, конечно, задело это письмо. Казалось бы, такого древнего демона уже ничто не должно волновать, но Му Цинцин умудрился его пронять.

Му Ляньчэнь прижал его к столу, положив руку на талию. В голове у Му Цинцина вдруг всплыли сцены из каких-то историй про злодеев, похищающих девушек. Он почувствовал, что Му Ляньчэнь сейчас — тот самый злодей, а он — беззащитная девица. Стоит ли покориться или сопротивляться?

Даже привыкнув к безумным фантазиям Му Цинцина, Му Ляньчэнь был ошеломлен его воображением. Одной рукой он приподнял лицо парня, заставляя смотреть на себя, а вторую положил ему на поясницу.

— Разве я не хорош собой? — мягко и вкрадчиво спросил Му Ляньчэнь.

Му Цинцин пришел в себя. Он думал, что Ляньчэнь призовет его к ответу, но такой осторожный тон старого лиса заставил его смутиться. Он еще раз взглянул на его лицо: ясное, как луна, изящное, как нефритовое дерево. Девушек, которые годами увивались за ним, было не счесть.

— Хорош, — Му Цинцин не мог кривить душой.

— Тогда верю ли я в искренность своих чувств к тебе? — Му Ляньчэнь слегка погладил его по щеке. Этот юноша с суровым, волевым лицом тоже привлекал немало девушек, даже несмотря на свой скверный характер.

Му Цинцин почувствовал, что в вопросе что-то не так, но, вспомнив, как Му Ляньчэнь заботился о нем все эти годы, кивнул.

— Ты признаешь, что у тебя есть на меня виды? — продолжал допытываться Му Ляньчэнь.

На этот раз Му Цинцин промолчал.

— Ладно, не буду давить. Я знаю, что тебя что-то беспокоит. Ничего страшного, мы уже очень близки, этого никто не отнимет. Впереди у нас еще много времени. Я не буду тебя торопить, но мы слишком долго отсутствовали, пора возвращаться.

— И всё? — Му Цинцин уже приготовился к нотации, твердо решив не поддаваться, но тот так легко отступил.

— Конечно. Неужели я могу заставить тебя делать то, чего ты не хочешь? Ты меня недооцениваешь. Я же сказал: если тебе нужно время, чтобы привыкнуть, я подожду. — Он нежно поцеловал Му Цинцина в лоб. — Отдыхай. Будем общаться, как прежде. Хочешь гулять — гуляй, а через несколько дней поедем домой.

Му Ляньчэнь говорил так тепло, что Му Цинцин чувствовал себя так, словно ударил кулаком в вату. Он без сил повалился на кровать, накрывшись одеялом. Словно после битвы, в которой непонятно, кто победил, но на душе стало значительно спокойнее.

После того дня в их компанию добавился Му Ляньчэнь. Му Цинцин всё еще вел себя отчужденно, а Му Ляньчэнь, поговорив с ним по душам, больше не лез с расспросами. Так что теперь Му Цинцин с малышом шли впереди, а Му Ляньчэнь с Чжу Мо — позади. Малыш был в восторге, а вот Му Цинцин изнывал от скуки.

Стоило им остановиться у ручья, чтобы помыть руки, как Му Цинцин украдкой бросал взгляды назад. Но стоило Му Ляньчэню посмотреть в ответ, как он тут же хватал Сяо Байшаньчжу и, не оглядываясь, устремлялся дальше.

— Ты и правда лис-демон. Прошло всего несколько дней, а маленький лисенок уже сам не свой. Интересно, что скажет глава клана, когда узнает, что ты умыкнул его детеныша? — Чжу Мо присел у ручья, стряхивая капли воды, и поддразнил стоявшего рядом Му Ляньчэня.

— Лучше скажи это самому Му Цинцину, он тебе ответит, — Му Ляньчэнь бросил взгляд на Чжу Мо, достал платок, неторопливо вытер руки, поправил одежду и двинулся следом.

— И когда мы вернемся на Гору Девяти Хвостов? Ты же не собираешься вечно скитаться с этим лисенком? Тебе лучше поскорее вернуться, — Чжу Мо шел рядом с Му Ляньчэнем, поглядывая на неспешную фигуру впереди.

— Маленький лис хочет навестить старых знакомых, я, конечно, должен его сопровождать,

чтобы он не грустил, — Му Ляньчэнь смотрел на легкую походку Му Цинцина, и его взгляд теплел.

— Тебе виднее. Я лишь опасаясь, что ты ослеплен его красотой, — Чжу Мо дал совет из лучших побуждений. В конце концов, теперь он собирался обосноваться на Горе Девяти Хвостов, и хорошие отношения со старым лисом были необходимы. Впрочем, встреча с ними стала для него удачей — он не только повысил уровень мастерства, но и нашел священную гору для практик.

Они двигались не спеша, и остальные двое не высказывали возражений, просто следуя за Му Цинцином. Однажды они остановились у ворот весьма процветающего города.

Увидев, что всё осталось по-прежнему, Му Цинцин невольно вздохнул.

— Похоже, это место произвело на тебя сильное впечатление. Ты тогда был совсем малышом, с клочковатой шерстью, зажатый в углу городской стены сворой собак, — Му Ляньчэнь подошел к нему, глядя на обшарпанную стену, и в его голосе прозвучала ностальгия.

Му Цинцин повернул голову: — Мне просто неприятно, я не могу смириться с этим.

В клане его всегда баловали: всё, что бы он ни пожелал, родители и братья тут же несли ему на блюде. С самого детства он привык получать всё, что хотел.

Когда он по ошибке забрел в запретную зону и разрушил шансы старого лиса на совершенствование, его лишь заперли, к тому же он сам сбежал. Даже тогда он чувствовал вину, но не осознавал всей серьезности случившегося.

Лишь прожив с ним в деревне десяток лет, наблюдая, как тот страдает от болей, бледнеет и слабеет — так, что, казалось, его можно убить одним пальцем — Му Цинцин понял: как бы высок ни был уровень мастерства, от болезней и смерти не убежать. На самом деле этот старый лис ничем не отличался от обычных людей. Иногда он даже боялся, что однажды старый лис просто не проснется.

<http://bllate.org/book/21591/2225485>